

6. Trésor de la langue française informatisée / Site officiel offrant la version numérique du dictionnaire de la langue française des XIXème et XXème siècles [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа : <http://atilf.atilf.fr>. – Дата доступа : 17.05.2018.

7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.

This article deals with the comparative analysis of the linguistic and cultural aspects of the lexical field of water in the French and Russian languages. We used data from explanatory and translation dictionaries in the analysis, as well as proverbs, figures of speech and tales – all that is stored in the language memory. The analysis allows to identify the features of the figurative and conceptual interaction of the lexemes of water, money and time for the speakers of the French and Russian language-culture.

А. А. Гаврилович
(Минск, Беларусь)

ПСЕВДОАНОНИМНОСТЬ ЛИЧНОГО МЕСТОИМЕНИЯ *TU* В РЕДАКЦИОННОЙ ПЕРЕПИСКЕ

В статье рассматривается проблема смещения референции личного местоимения *Ты / Tu* в редакционной переписке с абонентами журнала, адресованного детям 8–12 лет. Коммуникативная стратегия редакции обращаться ко всем своим подписчикам одновременно приводит к отклонению от норм грамматической системы языка. В результате семантической транспозиции в категории числа отсутствие конкретного референта свидетельствует о том, что местоимение *Ты/Tu* приобретает денотативное основание, соотносясь с классом субъектов, и выполняет дистрибутивную функцию, выделяя каждого из них как индивида. Новые условия общения устанавливают новые правила использования местоимения *tu*, которые являются нормой для данного типа дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *личное местоимение “tu”, смещение референции, дистрибутивная функция, фиктивная единичность, коммуникативная стратегия.*

Иронизируя по поводу несовершенства определений, данных местоимению как части речи, М. Вильме восклицает: «Какая другая наука, кроме грамматики, осмелилась бы на подобные дефиниции, не вызывая смеха» [1, р. 262]. Затруднение дать исчерпывающее определение, включающее все особенности лексико-семантических групп, вполне понятно. По мнению ряда лингвистов, даже в группе личных местоимений только местоимения первого и второго лица полностью соответствуют своему определению, обозначая собеседников и определяя индивида по его роли в коммуникации [2, р. 99; 3, р. 417; 4, р. 31–32; 5, с. 135; 6, с. 335].

Основной грамматической категорией личных местоимений является категория лица, которая реализуется в обозначении референта с разной степенью определенности. Личные местоимения первого и второго лица, не имеющие антецедента, непосредственно обозначают референт в соответ-

ствии с их кодированным смыслом [7, р. 193]. Дейктическая референция данных языковых единиц осуществляется как соотнесенность с участниками коммуникации, как указание с точки зрения «я» говорящего, который находится «в центре речевой ситуации» и относительно которого организуется мир. Для каждого из нас «я» (*le je, le moi*) выражает суть нашего существа, а имя, которое мы носим, это только представление о нас, используемое другими [2, р. 101]. По словам Э. Бенвениста, местоимение «я» может быть определено только в терминах «производства речи» (*locution*). Поскольку каждый говорящий не располагает «для выражения своей собственной неповторимой субъективности особым “опознавателем”, язык создал единый – но мобильный – знак *я* для обозначения каждого человека как уникальной личности и как основу обозначения индивидуальной речи. Личные местоимения *я* и *ты* существуют, таким образом, как знаки, актуализируемые в единовременных речевых актах, и отмечают фактом своего появления процесс присвоения языка говорящим» [8, с. 288–289].

Поскольку местоимение *ты* обращено к речи и получает референт только в непосредственном общении *я*-говорящего с *ты*-собеседником, то (помимо количественной определенности говорящих) значимость приобретает и определенность иного рода: социальный статус, возраст, родственные, дружеские отношения между собеседниками, т.е. разноплановые по своей сущности критерии, обуславливающие употребление *ты* как норму вербального поведения. Коммуникативная обусловленность *ты* определяет правила его использования в речи: реализацию определенных социально-ориентированных отношений и эмоционально-психических реакций.

Как и в других языках, во французском языке форма обращения на *ты* соответствует правилам общения, принятым в этом социуме. *Ты* – это знак близких отношений, используемый в кругу родственников, друзей, среди детей и молодежи, при разговоре с самим собой, а также при обращении в молитвах к Богу [9, р. 172–173].

При непосредственном общении, когда слушающий находится в поле зрения говорящего (или при общении по видеосвязи, скайпу и др.), личное местоимение *tu/ты*, выполняет свою дейктическую функцию и указывает только на один референт. По мнению М. Вильме, данное местоимение определяется как «*deuxième personne ou personne présente allocutive : tu, te, toi, vous*» (присутствующее слушающее лицо, лицо, к которому обращаются), предполагающее наличие первого лица – «*première personne ou personne présente locutive: je, me moi, nous*». Однако, помимо оппозиции в категории лица, выделяется и оппозиция в категории числа: *je* и *tu* являются грамматическим лицом, т.е. «*personne à contenu homogène ou unipersonnel*», в отличие от *nous* и *vous* – «*personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels*» [1, р. 293].

Как отмечает А. Н. Степанова, дейктические части речи могут получать «возможность “обозначать” только при реализации прямой референции гово-

рящего». При этом условии говорящий субъект становится «точкой отсчета» при ориентации в пространстве и времени [10, с. 55]. «Я – Ты – здесь – сейчас» является той «формулой», которая характеризует непосредственное общение: коммуникативный акт говорящего со слушающим, которые меняются ролями.

Основное условие, свойственное устному дискурсу, сохраняется и в письменном, например, в личной переписке, когда, несмотря на специфику общения – посредством писем, факса, телеграмм, SMS и др., – адресант и адресат (пишущий и читающий) меняются ролями. Используя личные местоимения *je/tu*, каждый человек подтверждает свою идентичность как «*personne à contenu homogène ou unipersonnel*», о чем и свидетельствуют, например, фрагменты переписки посредством факса и телеграмм отца, находящегося в экспедиции на Южном полюсе, со своим сыном Клеманом:

Dumont-d'Urville, le 2 mai

Mon Clément,

Ouf! Vive le fax! J'ai relu le tien vingt fois. Tu vas me dire que sur la banquise, à part serrer l'aileron des manchons, on n'a rien à faire, et que je passe le temps comme je peux. C'est faux. D'abord on a un boulot dingue. Et je relis ton télégramme parce que tu m'inquiètes. (...) Il fait un temps épouvantable. Tempête de neige, blizzard et surtout «white out». Ton papa.

TÉLÉGRAMME

La Hauteville, le 12 mai

Papa,

Si ça l'amuse d'aller se geler dans le «white out», ton mec, c'est bien fait pour lui. D'ailleurs, je ne sais pas ce que c'est (...). Clément.

TÉLÉGRAMME

Dumont d'Urville, le 15 mai

Le «white out», mon Clément, c'est le grand blanc: ciel et terre sans aspérité, sans distinction, je te raconterai. (...) Fax suit. Ton papa.

И при непосредственном общении, и в личной переписке используются имена собственные, клички, уменьшительно-ласкательные имена и др. (*Clément, Clém, fiston, mon grand*), разнообразие которых говорит о дружеских, родственных и других отношениях, но и свидетельствует о наличии только одного – единственно возможного – референта для местоимений *я* и *ты*. В данных фрагментах писем *я* и *ты* условно являются «собеседниками», о чем и говорят вопросно-ответные реплики, развитие темы, объяснение проблем, трудностей и тревог и т.п. их личной жизни.

Каждый из участников переписки выступает «точкой отсчета» в своем пространстве: отец в Дюмон-Дювиле, на французской полярной станции в восточной Антарктиде, сын – в Отвиле во Франции. Поскольку общение не происходит в режиме реального времени, то временной фактор становится относительной (вторичной) величиной, о чем и свидетельствуют даты

отправления и получения телеграмм. Изменение одной из составляющих ситуации непосредственного общения «Я – Ты – здесь – сейчас» приводит к изменению «координат» и установлению правил для иного типа дискурса.

Данные наблюдения представляются значимыми для анализа фактов смещения референции местоимения *мы/ту* при иных формах общения, нежели диалог или личная переписка, когда говорящий/слушающий, адресант/адресат меняются ролями.

Для анализа фактического материала были отобраны тексты переписки редакции с читателями-подписчиками, опубликованные в журнале «Je lis des histoires vraies» и адресованные детям 8–12 лет. В рубрике «Le zapping d'Alfred» предлагается информация о новых книгах, играх, выставках, фильмах, мультфильмах и др., в рубрике «Le courrier d'Alfred» читатели высказывают свои пожелания относительно тем, исторических персонажей, знаменательных событий прошлого, которым были бы посвящены последующие номера журнала.

В переписке с читателями редакция не заявляет себя как «я», от «имени» которого опубликованы сообщения. Отсутствие реального имени адресанта, т.е. псевдоанонимность (*je/nous*) редакционной коллегии (как группы журналистов или журналиста, ответственного за определенную рубрику), приводит к тому, что в своих письмах дети обращаются к журналу, используя местоимение *tu*, олицетворяя и отождествляя его как бы с одним человеком. Это создает эффект *фиктивной* единичности местоимения *tu*, репрезентирующего журнал, который может выполнить их пожелания и принять во внимание замечания:

Je voudrais que tu fasses un numéro sur Hergé, car j'aime beaucoup Tintin Merci et gros bisous. Alice 84000 Avignon (№ 58); J'aime beaucoup tes histoires, tes blagues et tes B.D. Mais je trouve que tu n'es pas assez long... Peux-tu allonger tes histoires? Ou j'aimerais te recevoir deux fois par mois. Diane, 91300 Massy (№ 53).

Следующий этап анализа редакционной переписки связан с использованием личного местоимения *tu*, которое в этом случае обращено к подписчикам журнала. Выше отмечалось, что при нивелировании местоимений *je* и *nous* редакция позиционирует себя как субъект, считающий нормой обращаться к подписчикам на «ты», что вполне естественно при общении с детьми 8-12 лет: *Tu aimes avoir peur? Retrouve les héros de la collection Chair de poule en vidéo. Créatures super bizarres, fantômes et monstres garantis (№ 53).*

С одной стороны, использование в данном случае местоимения *Vous*, сохраняющего свою дейктическую референцию к множественному классу «*personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels*» и поддерживающую грамматическую систему в равновесии, было бы более уместно. Однако семантическая транспозиция в категории числа как употребление одного

местоимения в функции другого [5, с. 148] (*tu* вместо *vous*), говорит о переходе в анализируемых текстах местоимения *tu* в разряд единиц «personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels», т.е. о смещении референции к действительности с единичного субъекта на класс ему подобных: *Cyber Master combine les aventures qui se déroulent sur l'écran de l'ordinateur avec les modèles que tu construis et que tu peux animer à l'aide de l'ordinateur...* (№ 68); *Si tu ne connais pas ce personnage de la littérature espagnole et ses rêveries de chevalier, écoute vite ce CD* (№ 68).

И хотя каждый из читателей присваивает себе *tu* как лично ему адресованное, он не является единственно возможным субъектом этой адресации. Псевдоанонимность *я* вызывает псевдоанонимность *tu* и порождает референтные лакуны пространственно-временного плана: можно только строить предположения относительно того, когда, где, при каких обстоятельствах дети и кто из детей читал журнал.

Вместе с тем псевдоанонимность личного местоимения *tu* не создает препятствий для общения: *Tu as la chance d'avoir un ordinateur chez toi? Tu peux alors découvrir la magie de l'univers de la princesse Lulu et de son ami robot Mnémo* (№ 41). Каждый, кто соотносит себя с *tu*, принимает во внимание предлагаемую ему информацию как соответствующую тем признакам, которыми он обладает.

Смещение референции с единичности на множественность расширяет сферу соотнесенности местоимения *tu* с действительностью, его референтный диапазон, в который включаются все абоненты-читатели. Можно полагать, что в данном дискурсе местоимение *tu* выполняет вместо дейктической *дистрибутивную* функцию. 1. При обращении ко всем подписчикам журнала оно выделяет каждого из них, реализуя обобщающее значение: *Tu peux gagner un beau cadeau et pourquoi pas le Karaoké-studio en participant au jeu-concours. En tout cas, voici une sélection qui t'aidera à préparer ta lettre au père Noël!* (№ 47) (сополагаясь с неопределенным местоимением *chacun*); 2. При обращении к некоторой категории класса с присущими ему признаками, реализуя значение количественной неопределенности: *Si tu habites la région parisienne, profite de beaux jours pour voir une exposition sur l'art préhistorique* (№ 41); *Tu as la chance d'avoir un ordinateur chez toi?...* (№ 41) (коммутируя с неопределенным местоимением *certain*).

Специфика анализируемой ситуации общения подтверждает мысль Г. Гийома относительно роли местоимения в речи. Местоимение скрывает недостаточность имени (*pallie l'insuffisance du nom*) всегда, когда оно оказывается непригодным или несоответствующим (*inapte ou disconvenante*) по каким бы то ни было причинам, чтобы обеспечить временные условия употребления, предлагаемые ему в речи [4, р. 31]. Как, например, невозможность обратиться к каждому ребенку-абоненту по имени.

Коммуникативная стратегия как сознательный выбор (редакционной коллегии) местоимения *tu* для обращения ко всем читателям журнала с целью индивидуализации каждого из них, т.е. как бы лично обращенного высказывания, свидетельствует о прагматическом назначении местоимения *tu*. На первый план выдвигается прагматический аспект как высказывания в целом, так и специфика функционирования местоимения *tu*.

Р. Жоржен отмечает, что местоимение «*Tu est intime, familier, affectueux; ... ce passage de vous à tu marque ... – les exemples en sont nombreux dans la tragédie classique – un élan soudain de tendresse*» [11, p. 168]. И хотя пример классической трагедии может показаться не вполне уместным применительно к данному типу дискурса, но в совокупности этих «свойств» местоимение *tu* реализует свою прагматическую «заданность»: обиходность (что естественно при обращении к детям); задушевность, как при общении с близким человеком; выражение симпатии, доброго расположения и нежности к детям. К этому добавляется эмпатия как сопричастность, понимание и внимание к их интересам, пожеланиям, интеллектуальным запросам, что и получает свое подтверждение в письмах абонентов: *Je suis abonnée à ton magazine depuis déjà quatre ans. Je trouve qu'il est super et très éducatif. J'ai beaucoup aimé Séquoia l'Indien, Toutankhamon, ainsi que tous les peintres. Je trouve géniales les B. D.* (№ 68).

Прагматически обусловлен и стратегический выбор определенных синтаксических структур (сложноподчиненных предложений с придаточными предложениями условия, вопросительных предложений), использование модальных глаголов и др., снимающих категоричность высказывания и подающих информацию в виде дружеского совета, рекомендации: *Tu aimes Batman? Tu adoreras la «Mask Mobile» avec son capot mâchoire prêt à mordre les criminels et son siège éjectable...* (№ 47); *Si tu habites Paris, passe par la station Parmentier, elle a inspiré Frédéric Niel, notre auteur. Tu pourras y admirer les vitrines consacrées à Antoine-Augustin Parmentier et à sa chère pomme de terre* (№ 59).

При отсутствии однозначно идентифицируемых всех участников письменной коммуникации местоимение *tu* получает значение 'personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels', о чем говорилось выше. Контекст коммуникации устанавливает наличие потенциальных референтов и позволяет говорить о переходе местоимения *tu* в разряд единиц, приобретающих ситуативно обусловленное денотативное основание и сигнификативное значение.

В отличие от денотата как элемента «экстенционала (т.е. множественности объектов способных именоваться данной языковой единицей)» [6, с. 149], денотативное основание не является компонентом семантической структуры личного местоимения *tu*, но в силу определенных условий ситуации общения формирует сферу его соотнесенности с объектами действитель-

ности – абонентами журнала. Наличие денотативного основания позволяет соотнести местоимение *tu* с границами класса и множественностью субъектов, способных именоваться данной языковой единицей: *tu* как «personnes à contenu hétérogène ou pluripersonnels» ограничен представителями только данного «класса»: дети обоих полов. Сигнификативное значение определяется как ‘дети в возрасте 8–12 лет’, ‘подписчики журнала’. Данные компоненты обусловлены, как отмечалось выше, ситуацией общения, их наличие у местоимения *tu* – данность, факт, зафиксированный на обложке журнала: «*Je lis des histoires vraies*», 8–12 ans. Денотативное основание местоимения *tu* как предварительное знание о классе объектов входит в пресуппозицию актуализируемой в речи множественности объектов действительности (равно как и его сигнификативное значение как совокупность признаков ‘8–12 лет дети’, ‘подписчики журнала’).

В таких фрагментах текста, как *Tu te passionnes pour l'Égypte ancienne? Voilà un beau livre vivant et document* (№ 48); *Si tu dévores les livres, voici des coffrets-cadeaux qui regroupent deux à quatre titres bien choisis...* (№ 47); *Si tu as aimé le nouveau film de Disney entièrement réalisé en images de synthèses? Retrouve Woody le cow-boy et Buzz, le roi du gadget* (№ 41), выделенные отрывки формируют сигнификативное содержание каждого отдельного высказывания, конкретизируя прагматически значимые признаки и ограничивая количество членов класса, которым они присущи.

Таким образом, коммуникативная стратегия редакции обращаться ко всем подписчикам приводит к отклонению от норм грамматической системы языка. В результате семантической транспозиции в категории числа отсутствие единственно возможного референта свидетельствует о том, что местоимение *tu* приобретает денотативное основание, соотносясь с классом субъектов, и выполняет дистрибутивную функцию, выделяя каждого из них как индивида. Высказывания, содержащие личное местоимение *tu*, функционируют как прагматические единицы, подчиняющиеся правилам, устанавливаемым в дискурсе, где имеются пространственно-временные лакуны и субъекты адресации, которые не могут быть идентифицированы по имени. Новые условия общения устанавливают и новые правила использования местоимения *tu*, являющиеся нормой в данном типе дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wilmet, M.* Grammaire critique du français / M. Wilmet. – Paris : Ed. J. Duculot, 2003. – 758 p.
2. *Fischer, M.* À la découverte de la grammaire française / M. Fischer, G. Hacquard. – Paris : Librairie Hachette, 1959. – 538 p.
3. *Grevisse, M.* Le bon usage: Grammaire française avec des remarques sur la langue française d'aujourd'hui / M. Grevisse. – Paris : Ed. J. Duculot, 1969. – 1228 p.
4. *Baylon, Ch.* Grammaire systématique de la langue française. Avec des travaux d'application et leurs corrigés / Ch. Baylon. – Paris : Nathan, 1978. – 288 p.

5. Гак, В. Г. Теоретическая грамматика французского языка / В. Г. Гак. – М. : Высш. шк., 1979. – 304 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 709 с.
7. Riegel M. Grammaire méthodique du français / M. Riegel, J.-Ch. Pellat, R. Riou. – Paris : PUF, 2002. – 646 p.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с.
9. Grammaire Larousse du XX-e siècle. – Paris: Librairie Larousse, 1936. – 468 p.
10. Степанова, А. Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы / А. Н. Степанова. – Минск: МГЛУ, 2000. – 280 с.
11. Georquin, R. Difficultés et finesses de notre langue / R. Georquin. – Paris : Éditions André Bonne, 1952. – 336 p.

The article deals with the problem of displacement of personal pronoun *tu* in magazine's correspondence with kids of 8–12 years old. The communicative strategy of editors to address results to all of their subscribers in departure from the norm of grammatical system of the language. New conditions of communication establish new rules and new function for pronoun *tu* in this discourse.

Е. А. Гапанович
(Минск, Беларусь)

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ КООРДИНАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются французские координативные сочетания, маркированные в звучащей речи при помощи факультативного связывания. Установлено, что выразительный потенциал средств сочинительной связи во французском языке позволяет не только представить логические отношения сложения, вычитания, подобия, но и отразить гармоническую согласованность элементов целостно воспринимаемого фрагмента действительности. Варьирование форм соединения компонентов номинаций совокупных референтов является результатом вербальной объективации ментальных схем и реализации логико-коммуникативных процедур.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *координация, сочинительная связь, синтаксическое единство, совокупный референт, факультативное связывание.*

Нормативное оформление и употребление единиц языка выступает одним из критериев его системного устройства. При изучении фактов и явлений живой речи, выделяющихся своей неординарностью и нетривиальностью и, следовательно, требующих более тщательного и аргументированного анализа, возникает потребность выйти за пределы синтактики как инструментария традиционной грамматики. Так, во французской связной речи допускается функционирование сочетаний типа *mesdames[z]et messieurs, filles[z]et garcons*, внешнее оформление которых можно было бы квалифицировать на